

Душевный эксгибиционизм в журнальной статье. Уместно ли это?

Гутен таг, добрый день, дорогой читатель. Сегодня наши скромные рассуждения мы посвятим весьма нескромной теме. Эксгибиционизму, то есть. Неодолимой страсти оголяться в любое время в публичных местах и с полной готовностью демонстрировать обществу сомнительные прелести или несомненные язвы организма. Оговорю сразу – к ситуациям грубого насилия над личностью это не относится.

Речь пойдет об эксгибиционизме совсем иного рода. Душевном, так сказать. Страсти потрясать или, скорее, трясти своими глубоко интимными чувствами и переживаниями на глазах у почтеннейшей публики, громко взывая к ее сочувствию, состраданию и признанию исключительности личности охотно оголяющегося.

Причем, чем больше аудитория, тем, разумеется, больше кайфа. Ну, изумить публику подобными излияниями ныне сложно – демонстрировать все перипетии личной жизни, измены, разводы, алкоголизм и никчемность дражайшей половины и собственную терпеливую святость, страшные, ни с чем не сравнимые страдания в очередной раз брошенного и дичайшие, исключительные муки безответно любящей, похоже, стало стилем жизни – эдакий апофеоз низкопробного бульварного дамского романа.

Разумеется, со всей положенной жанру атрибутикой – заламыванием рук до множественных переломов, закусыванием губ до сильных кровотечений, скупыми мужскими или обильными дамскими очищающими рыданиями, слащавыми эпитетами, слезливым пассивным состраданием (себе) и обвинениями в несовершенстве (всех прочих и общества в целом).

Нуднейшими риторическими вопросами («За что, за что, о Боже мой»), суровым осуждением бесчувственных «каменных душ», почему-то не склонных к немедленному катарсису, ну, и так далее. Потому как если уж чувства – то на редкость великие и самые истинные, как ни у кого доселе. И пусть все об этом знают в интимных подробностях.

Жены язвительно или псевдосмирно взывают к совести любовниц, любовницы

готовят гневные отповеди женам, причем жена в представлении любовницы – обычно толстая запущенная тетка в бигуди и халате, а любовница в глазах жены – молодая сильно дураковатая или весьма стервозная девица облегченного поведения.

Нервные всхлипы «ах, он бросил, он оставил, что же теперь делать-то, жизнь-таки окончена или еще нет, как вы думаете?» перемежаются злорадно-недоуменными «а-а-а я увела, я отбила, я самая супер-пуперная, только он какой-то не такой оказался» или слезливыми «никак не получается увести, тетки, что делать, у меня ж с им така любофф». Потом – всем рыдать немедленно от великодушия обеих сторон – жена демонстративно прощает любовницу, любовница – жену. Обе – невинные жертвы непреодолимых жизненных обстоятельств, мужчина в стороне, пьеса «Не мы такие – жизнь такая» окончена. О, дас ист фантастиш.

И очень не по себе становится от этой готовности трясти своим нижним бельем на глазах большой читающей аудитории. От готовности посвятить всех и вся в интимнейшие индивидуальные переживания души, куда и самого близкого-то порой не пустишь. От страстного желания вынести на всеобщее обозрение тонкий, глубоко личный мир собственных чувств и страданий, который настолько хрупок, что даже и словесному описанию подлежит не всегда.

От публичных заявлений о своей большой якобы любви и описанию ее в деталях – а ведь это мир только двоих любящих – и более никого. И, если искренне, очень неловко читать подобные описания – как будто присутствуешь при публичном раздевании кого-то, кого обнаженным видеть никак не пристало и не хочется. Неловко, очень неудобно и, честно говоря, не слишком пристойно.

Хочется уйти и не присутствовать при акте душевного эксгибиционизма незнакомого человека, как не хочется присутствовать, простите, при чьих-то интимных процедурах. Уходишь в недоумении, часто не дочитав до конца. И никакой эффект «попутчика в поезде» здесь не срабатывает.

Потому что, считаю, как-то неуместно это – публично изливать интимные детали своей жизни, нежные и страстные чувства, душевные коллизии, глубоко личные перипетии судьбы. Особенно в журнальных статьях. Даже устами лирического героя. Даже в очень трудную минуту жизни. На то он и душевный, внутренний мир, чтобы быть исключительно, весьма хрупким, ранимым и интимным. Мало кому доверяемым. На то

она и любовь, чтобы быть достоянием двоих – и никого более. «Только Бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца»

На то они и личные переживания – разводы, смерти самых близких, измены, предательства, – чтобы пережить их прежде всего самому, в душе, не делая свои муки достоянием общественности. Осознать, понять, прожить. А если никак не получается избавиться от боли – обратиться к хорошему профессионалу. Психологу. Психотерапевту. Дать ситуации разрешиться, отстояться – и лишь потом, немногословно и отстраненно, вскользь упомянуть об этом.

Потому как в искренность публично оголяющегося все равно верится с трудом. Кто громче всех кричит на весь свет о своих исключительных чувствах и страданиях, упиваясь несовершенством мира, остротой собственных чувств-с, вываливая на всеобщее обозрение интимнейшие детали, часто и малой толики этих чувств и страданий их не испытывает. Такой себе театрик одного актерчика или актриски.

А вот в несдержанность, некую истеричность, нарциссизм и самолюбование, а порой и мазохизм, и жизненную пассивность – да, веришь весьма охотно. Желание поиронизировать возникает тоже и довольно часто – да, мон шер, разумеется, твой страдательный падеж самый страдательный в мире.

Любое страдание, как и желание оповестить о нем весь мир, изживается работой. Делом. И спокойной помощью другим.

Господа и дамы, майне либен фрауен унд херрен, душевные эксгибиционисты, готовые долго, нудно, истерично и публично мучиться, жалуясь на несовершенство мира, требуя от него соответствия вашим о нем представлениям и поверяя ему же подробности самых интимных страданий, попробуйте спокойно, немногословно и деятельно помочь другим.

Хотя бы самым любимым и близким рядом с вами. Это хорошо работает.

Автор - **Маша Романофф**

[Источник](#)